КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою. | Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1893 года. **№ 8.** 16 Апрѣля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РѢЧЬ,

профессора философіи и математики Ивана Михайловича Скворцова, сказанная 27 октября 1817 года при открытіи кіевской духовной семинаріи.

(*Въ переводѣ съ латинскаго подлинника*).

О связи между философіей и богословіемъ.

Науки, которымъ обучается обыкновенно юношество въ духовныхъ школахъ, раздѣляются, повидимому, на двѣ главныя вѣтви—на философію и богословіе. Область той и другой науки весьма широка, и обѣ онѣ приносятъ плоды, сокомъ которыхъ питается внутренняя жизнь человѣка. Весьма важно поэтому, чтобы приступающіе къ изученію этихъ двухъ наукъ задались цѣлью точно изслѣдовать, обѣ ли онѣ выполняютъ предназначенную имъ задачу, или же одно только богословіе, какъ нѣчто божественное, способно легче и вѣрнѣе выполнить эту задачу помимо философіи, какъ продукта человѣческихъ знаній. А можетъ

быть, въ дѣйствительности, философія и богословіе весьма тѣсно связаны между собою и оказываютъ другъ другу помощь? Желая доказать весьма тѣсную связь истинной философіи съ религіей, въ частности съ богословіемъ, поскольку оно касается школы, я встрѣчу, полагаю, сочувствіе въ настоящемъ собраніи, которое открываетъ новый курсъ занятій, руководствуясь свѣтомъ—съ одной стороны разума, стремящагося къ божественному, съ другой—религіи, пекущейся о человѣческомъ. И такъ, я предложу благосклонному вашему вниманію, почтеннѣйшіе слушатели, то, что я думаю объ этомъ вопросѣ.

Мы далеки вообще отъ мысли держаться того нелѣпаго мнѣнія о философіи, которое утверждаетъ, что она служитъ религіи только лишь какъ явный признакъ человѣческаго безсилія. Тотъ ли, въ самомъ дѣлѣ, результатъ всѣхъ нашихъ трудовъ въ изученіи философіи, на ту ли только награду намъ надѣяться, чтобы, прослѣдивъ множество ошибокъ людей блуждавшихъ въ области философіи, самихъ себя увѣрять въ томъ, что суетны сокровища истины, которыми мы—несчастные—бредимъ, и что эти сокровища—продуктъ досужаго ума?.. На то ли, наконецъ, надѣяться, чтобы, возымѣвъ, такимъ образомъ, ненависть ко всякому источнику человѣческихъ познаній и его значенію, искать намъ другого, болѣе чистаго источника?..

Если такъ, то мы покончили со всякимъ нашимъ познаніемъ; если съ такими мыслями относимся къ занятіямъ философіей, то въ послѣдней мы ищемъ оружія противъ нея самой. Очевидно, однако, что подобный взглядъ на философію заключаетъ уже въ себѣ два противорѣчивыхъ о ней понятія: — 1-е, что она, какъ философія, судитъ и опровергаетъ, 2-е что, будучи таковой, она должна судить и опровергать самую же себя.

Само собою разумѣется, что если зданіе философіи построено будетъ на противорѣчивыхъ и неутвердившихся мнѣніяхъ философовъ или другихъ ученыхъ, то она сравнится съ Вавилонской башней, которая распалась отъ смѣшенія языковъ строителей.

Нѣтъ, истинная философія совершенно свободна отъ человѣческихъ измышленій. Она осталась непоколебимой во время извѣстныхъ схоластическихъ споровъ и пустыхъ словопрѣній: умы

противниковъ состязались, какъ бурные встрѣчные вѣтры, а она гордо устояла, какъ бы поднявъ голову къ небу, потому что основана была на камнѣ. Начало ея отъ Самого Источника жизни и свѣта, и, ставъ близкимъ достояніемъ человѣка, она полагаетъ начало трезвой умственной и нравственной жизни.

Въ этомъ смыслѣ и знаменитые древніе мудрецы, на сочиненія которыхъ есть ссылки въ св. писаніи, многими прекрасными изреченіями оказали мудрости услугу и постарались вселить дѣятельную любовь къ ней и въ другихъ. Только подобнаго рода философія и достойна своего имени: вѣдь если разсматривать ее абсолютно, она не что иное, какъ познаніе всеобщаго, получившее свое начало отъ идеи безконечнаго Существа. Въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ бы проникнуть въ священную сокровищницу природы, гдѣ сокрыты божественные и драгоцѣннѣйшіе дары, если бы самъ Величайшій Владѣтель ея и Царь людей не позволилъ намъ быть жрецами природы по праву, коренящемуся въ въ духовной нашей природѣ: нашъ разумъ надѣленъ высшими дарами (быть можетъ, и половина ихъ намъ еще неизвѣстна) и владѣетъ ключемъ къ тайнамъ природы, который состоитъ въ томъ, что *«идеальное»* мышленіе находится въ совершенной гармоніи и тожествѣ съ *«реальнымъ»* всеобщаго. Это «идеальное» я понимаю какъ отображеніе въ нашемъ разумѣ идей самого Творца; развитіемъ его и просвѣщеніемъ достигается истинное знаніе для всякаго человѣка.

Способность философствовать врождена, конечно, всѣмъ. Отсюда каждый, самый обыкновенный человѣкъ, недовольный тѣмъ, что даетъ ему безконечное разнообразіе природы, стремится къ міру высшему, сверхчувственному. Отсюда все естественное богословіе. Такимъ образомъ, идея Безконечнаго Существа, обнаруживающаяся въ стремленіи человѣка ко всему возвышенному, есть источникъ истинной философіи, которая становится тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе разумъ созерцаетъ эту идею и болѣе въ себѣ сосредоточивается. Отсюда явно, что философія, поскольку она стремится къ возвышенному, идетъ дружески на встрѣчу религіи, нисходящей съ небесъ. Отсюда ясно и то, что философія, даже какъ наука, или предметъ школы, можетъ быть поставлена

въ параллель съ богословіемъ. Такъ, курсъ философіи мы начинаемъ инструментальной философіей, или логикой, подобно тому, какъ курсъ богословія открываемъ богословіемъ инструментальнымъ. Метафизика, далѣе, болѣе всего, какъ мнѣ кажется, соотвѣтствуетъ созерцательному богословію. Дѣйствительно, важнѣйшія части этихъ знаній, даже и при различныхъ направленіяхъ, оказываются тождественными. Наконецъ, какъ курсъ философіи, такъ и курсъ богословія мы заканчиваемъ изученіемъ ихъ истинъ практически и, такимъ образомъ, въ два пріема проходимъ, такъ сказать, одно и тоже поприще, пользуясь свѣтомъ двухъ великихъ свѣтилъ—разума, какъ луны, и религіи, какъ солнца.

Пойдемъ дальше въ изложеніи связи между философіей и религіей.

Вѣдь мы не ограничиваемъ значенія философіи настолько, чтобы, подготовившись при посредствѣ ея къ изученію богословія, могли забросить ее затѣмъ совершенно, сказавъ ей послѣднее «прости». И прежде всего нужно обратить вниманіе на слѣдующее: не безразсудно ли оскорбляютъ философію тѣ, которые думаютъ, что она должна быть положительно исключена изъ сферы христіанской религіи? Конечно, намъ не безызвѣстны слѣдующія слова св. Ап. Павла въ «посланіи къ Коринѳянамъ»: «*Я разсудилъ быть у васъ незнающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и при томъ распятаго*»; тѣмъ не менѣе, мы не ошибемся, если станемъ утверждать, что боговдохновенный Павелъ не имѣлъ въ виду того, чтобы «*быть незнающимъ ничего у всѣхъ христіанъ*». Обратимъ вниманіе на то, что самъ онъ приписываетъ человѣку весьма глубокое знаніе: «*ибо кто изъ людей знаетъ*», говоритъ онъ, «*что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ*»? Затѣмъ продолжаетъ: «*такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія; но мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога*». Вотъ онъ—Духъ Божій, наставляющій насъ, и знаніе, даруемое Имъ,—откровенное богословіе! Вотъ онъ—духъ человѣческій, постигающій тайны человѣка, и знаніе, вытекающее отсюда,—истинная философія! Вотъ онъ, наконецъ, иной духъ, отличный отъ этихъ двухъ, духъ міра сего и горделивое знаніе, вытекающее отсюда,—ложная

философія, слѣдующая началамъ и стихіямъ міра сего! Никто, конечно, не сомнѣвается, что тотъ же самый Апостолъ отвергаетъ только тѣ ученія, которыя противорѣчатъ христіанской истинѣ, а вовсе не здравую философію; напротивъ, самъ онъ весьма часто, гдѣ только нужно, отсылаетъ учениковъ своихъ къ началамъ философіи съ цѣлью еще болѣе утвердить ихъ въ той же истинѣ. Да и мы, съ своей стороны, держимся взгляда Апостола, соединяя философію съ религіей и пользуясь ею, какъ посредницей между человѣческимъ умомъ, привыкшимъ большею частью къ земному и человѣческому, и религіей, возводящей насъ къ небесному и божественному. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря ей, невидимое становится какъ бы видимымъ, такъ какъ она указываетъ слѣды этого невидимаго даже въ видимой природѣ, усматривая въ мірѣ чувственномъ отображеніе міра духовнаго; что не постижимо уму и не входитъ въ его сферу, то оказывается, благодаря ей, запечатлѣннымъ божественной истиной и достойнымъ благоговѣйной вѣры, такъ какъ она свидѣтельствуетъ, что и въ природѣ есть много непостижимаго для ума и неизслѣдованнаго; что вначалѣ кажется противорѣчивымъ и несогласнымъ съ нашимъ способомъ мышленія, то приводится потомъ въ связь и гармонію.

И такъ, философія и религія дѣйствуютъ соединенными силами даже въ *высокой области откровенія*, хотя указать на это ясно не всегда возможно. Но болѣе всего философія оказываетъ услугу религіи въ той ея области, которая основывается на истинахъ, конечно свыше вдохновенныхъ, но или внушаемыхъ каждому человѣку уже самимъ разумомъ, или заимствованныхъ изъ помраченной природы человѣческой; эти-то истины, озаренныя высшимъ свѣтомъ, религія предлагаетъ намъ именемъ Божіимъ для вѣры и руководства. Ибо по необходимости приходится весьма часто въ области богословія прибѣгать къ философіи. Если необходимо, напримѣръ, какія-нибудь истины найти въ св. писаніи или на его основаніи сдѣлать имъ оцѣнку, то мы неизбѣжно прибѣгаемъ къ философіи, которая въ логикѣ даетъ правила для надлежащей послѣдовательности въ сужденіи и для критики истинъ.

Если богословіе говоритъ о Богѣ и Его свойствахъ и при этомъ руководствуется св. книгами, то оно необходимо предпола

гаетъ существованіе Бога, котораго, однако, св. писаніе нигдѣ не доказываетъ; берется доказывать это всѣми способами философія для огражденія умовъ человѣческихъ отъ невѣрія и отчаянія въ несчастіяхъ, отъ безумія атеистовъ и пагубныхъ ихъ козней. Богословіе, далѣе, даетъ правильное созерцаніе міра, какъ зеркала Божьихъ совершенствъ, каковымъ созерцаніемъ одарила умственное око та-же философія. Если богословіе говоритъ объ обязанностяхъ къ Богу, ближнимъ и самому себѣ, то оно обращается къ закону, написанному въ сердцахъ; этотъ же законъ изъясняетъ и философія, примѣняя его къ различнымъ дѣйствіямъ и состояніямъ людей.

Сказаннымъ достаточно, какъ мнѣ кажется, выясняется связь между философіей и богословіемъ.

Остается, впрочемъ, отмѣтить еще одно обстоятельство, которое болѣе всего доказываетъ необходимость изученія философіи въ духовныхъ школахъ во имя истинной религіи.

Обратимъ вниманіе на то, что въ нашихъ школахъ подготовляются будущіе учители другихъ, которымъ необходимъ въ житейскомъ морѣ якорь не только для собственнаго спасенія, но и ради спасенія другихъ. Значитъ, если кому изъ христіанъ полезно знакомство съ философіей, то оно въ особенности необходимо для учителя церкви, и преимущественно въ наше время, при современномъ положеніи христіанства, когда, съ одной стороны, враги религіи большею частью склонны вести борьбу не иначе, какъ вооружившись философіей, съ другой — проповѣдники истины весьма часто употребляютъ невѣроятныя усилія и старанія для того, чтобы привести другихъ къ познанію проповѣдуемой ими истины. Слѣдовательно, задача учителя, во первыхъ, бороться съ противниками тѣмъ же оружіемъ и, во вторыхъ, излагать своимъ слушателямъ истинную мудрость не столько теоретически, сколько практически и, такимъ образомъ, научить ихъ отличать истинную философію отъ ложной. Весьма важно, далѣе, обратить вниманіе и на то, что самое богословіе приведено въ настоящее время въ систему, а это, полагаю, есть дѣло того же божественнаго провидѣнія и домостроительства, по которому богословіе, оставаясь единымъ по существу, принимало нѣкогда образъ закона (было «сѣнью

законной»), покровъ притчей, одѣяніе самыхъ безыскусственныхъ словъ или, выражаясь словами апостола, было *«буйствомъ проповѣди»*; конечно, оно принимало то ту, то другую внѣшнюю форму, смотря по времени и развитію людей.

Не слѣдуетъ ли думать, что Тотъ, кто «буйствомъ проповѣди» спасалъ нѣкогда вѣрующихъ, въ силахъ сдѣлать это, такъ сказать, «мудростью проповѣди» и въ настоящее время, когда на основаніи этого премудрѣйшаго въ глазахъ Божьихъ буйства міръ невсегда оказывается способнымъ познавать Бога?

Перенесемся же мысленно горѣ, за тѣ предѣлы философіи и религіи, въ которыхъ онѣ заключены въ настоящее время. *«Все мы видимъ теперь пока, какъ бы сквозь тусклое зеркало, гадательно»*, говоритъ апостолъ.

И дѣйствительно, какъ созерцаемая нами природа есть ни что иное, какъ зеркало и отображеніе міра невидимаго; какъ самый разумъ, при помощи котораго и въ которомъ мы созерцаемъ, есть зеркало идей самаго Безконечнаго Существа, доска, на которой начертаны образы вещей невидимыхъ, божественныхъ: такъ и самое откровеніе во многомъ остается еще тайной.

Но настанетъ то вожделѣнное время, когда мы все увидимъ такимъ, какъ оно есть, то есть увидимъ самую сущность вещей и притомъ съ тою же очевидностью, съ какой мы видимъ теперь все то, что брасается намъ въ глаза. Тогда природа, какъ легко разворачивающійся свитокъ, откроется нашему взору со всѣми тайнами, начертанными въ ея книгѣ. Съ ума человѣческаго приподнята будетъ завѣса мрака, его покрывающая, и онъ всецѣло отдастся дѣйствію вѣчнаго свѣта.

Самая религія, отбросивъ покровъ, явитъ свой божественный ликъ взору праведныхъ. Тогда же удовлетворено будетъ то ненасытное стремленіе нашего духа къ «жилищамъ Господнимъ», о которомъ говоритъ св. Псалмопѣвецъ, и которымъ мы томимся, когда восторженно взываемъ къ безсмертному Богу. Тогда, наконецъ, мы вполнѣ успокоимся, и философія, справедливо отказавшаяся отъ названія премудрости, получитъ его еще съ большимъ правомъ и соединится въ одно цѣлое съ религіей, которой служила, будучи прежде тщательно отъ нея отдѣлена. Надѣясь увидѣть этотъ

весьма радостный конецъ, мы трудимся, насколько это дано человѣку, стараясь преодолѣть столь великія встрѣчающіяся намъ препятствія и стремимся издалека къ свѣтлой, вожделѣнной цѣли. Воодушевленные этой надеждой и теперь, выступимъ бодро на новое, предлежащее намъ поприще и будемъ проходить его съ неослабною стойкостью.

Укрѣпи же, силъ Подателю, наши стопы! Творче свѣта, взываемъ къ Тебѣ съ дерзновеніемъ и просимъ, озари Твоимъ свѣтомъ весь предлежащій намъ путь и сдѣлай такъ, чтобы мы все болѣе и болѣе стремились къ Тебѣ, Всеблагому и Великому Богу, которымъ мы живемъ, движемся и существуемъ!

Даруй намъ духа премудрости и откровенія и просвѣти наши мысленныя очи! Боже, не отврати лица Твоего отъ насъ и поспѣши намъ на помощь!

Къ бесѣдѣ съ еретиками объ источникахъ добра и зла.

Если мы будемъ искать, гдѣ раждается и живетъ зло, то окажется, что—не въ тѣлесномъ, не въ матеріальномъ, не въ томъ, что ощупывается руками, вкушается языкомъ, обоняется ноздрями, видится глазами и слышится ушами. Если ты рѣшишься утверждать противное, то я повторю тебѣ прежніе мои вопросы: какое зло нашелъ ты въ скалѣ, въ горѣ, въ камнѣ, въ озерѣ, въ рѣкѣ? Переходятъ ли они предѣлы, назначенные для нихъ Творцомъ, есть ли между ними вражда, можетъ быть—ссора, драка, убійство, пьянство? Но таковы же всѣ стихіи видимаго міра. Онѣ невинны, не, злобивы, если хочешь—нестяжательны. Гдѣ же начинается зло, т. е. всякій грѣхъ, нарушеніе воли Божіей, уклоненіе отъ предначертаній Божіихъ? Начинается все это тамъ, гдѣ начинается духовная жизнь, и гдѣ мы находимъ уже не одно тѣлесное начало, но и духовное. Нѣкоторое подобіе зла и грѣха есть уже и въ животныхъ, въ которыхъ есть нѣкоторое подобіе духа, но и въ томъ и другомъ отношеніи только подобіе: почему? потому что животное не свободно, существуетъ такимъ, какимъ повелѣлъ ему Богъ, улучшать себя оно не можетъ и въ дѣйствіяхъ своихъ связано

природнымъ побужденіемъ; поэтому животное за свои дѣйствія, полезныя намъ или вредныя, не отвѣчаетъ, и во грѣхѣ или преступленіи закона обвиняемо быть не можетъ. Итакъ, грѣхъ, преступленіе и зло, начинается, находитъ себѣ мѣсто—только тамъ, гдѣ есть не подобіе духа, но истинно такъ называемый духъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разумъ и свобода. Если сотворенное существо способно познавать добро и зло, различать между тѣмъ и другимъ, выбирать лучшее и слѣдовать ему, если оно имѣетъ свободу и не водится природными побужденіями, какъ подневольное, тогда оно способно къ проявленію или зла или добра, способно къ преступленію закона. Законъ-то собственно для такихъ только существъ и бываетъ, а животному, которое подневольно служитъ внушеніямъ и побужденіямъ природы, закона и заповѣди, животному, ни Богъ ни люди не ставятъ и не объявляютъ. Итакъ, грѣхъ и зло отъ духа, а не отъ плоти, отъ духа свободнаго, а не подневольнаго и неразумно дѣйствующаго; ибо грѣхъ и зло начинаются и развиваются въ области духа и свободы.

Тогда насъ могутъ спросить: хорошо ли поступилъ Творецъ, что сотворилъ, кромѣ плоти или вещества, духовно свободную природу? Если бы кто нибудь дерзнулъ отвѣтить на это: «не хорошо»,— если бы кто нибудь сказалъ, что безъ духа и свободы лучше было бы, потому что тогда не было бы и зла, или грѣха,—тогда что изъ этого вытекало бы? Вытекало бы, пожалуй, что виновникомъ свободы былъ не всеблагій, премудрый и всевѣдущій Богъ, а какой нибудь иной создатель, не чуждый желанія чрезъ сотвореніе духа и свободы произвести разстройство въ мірѣ, произвести зло. Но этого нѣтъ: ибо и духовная природа вообще и свобода въ частности какъ представляютъ возможность употребленія ихъ во зло, такъ представляютъ возможность употребленія ихъ и во благо. При томъ употребленіе ихъ во зло какимъ нибудь человѣкомъ не въ такой мѣрѣ прогнѣвляетъ Бога, въ какой употребленіе во благо радуетъ Его. Если, наприм., десять человѣкъ, сто, тысяча, тысячи тысячъ согрѣшаютъ, то грѣхи ихъ не столько прогнѣвляютъ Бога, сколько радуетъ Его добродѣтель одного человѣка, который не грѣшитъ одновременно и вмѣстѣ съ ними, но живетъ по Его святой волѣ и воздаетъ Ему хвалу отъ души благоговѣйной и отъ сердца благодарнаго. Хочешь ли доказательствъ! Вотъ они.

Когда Господь Богъ вознамѣрился погубить Содомъ и Гоморру, достигшіе крайней степени развращенія, то Авраамъ, умоляя Его за эти нечестивые города, сказалъ Ему: «не пощадишь ли всего мѣста пятидесяти ради праведныхъ, если они будутъ въ немъ? И отвѣчалъ ему Господь: «если будетъ тамъ пятьдесятъ праведниковъ, оставлю весь градъ и все мѣсто ихъ ради». Потомъ Авраамъ спрашивалъ: «а если сорокъ, а если тридцать, а если двадцать, а если (наконецъ) десять праведниковъ— *обрящутся тамо?*»... Господь отвѣчалъ: «не погублю и ради десяти». Значитъ праведность десяти въ очахъ Божіихъ столь драгоцѣнна, что ради ея Онъ останавливаетъ гнѣвъ свой, готовый излиться на злобу многихъ и многихъ тысячъ. Значитъ, по человѣчески говоря, какъ ни противны Господу Богу человѣческіе грѣхи, но не въ такой мѣрѣ, въ какой пріятна добродѣтель.

Если бы ты навѣрное зналъ, что на полѣ, которое ты намѣренъ засѣять пшеницей, выростетъ пшеницы лишь нѣсколько десятковъ колосьевъ, все же остальное мѣсто будетъ покрыто плевелами; то ты, конечно, и сѣять бы тамъ не сталъ, а если бы это случилось съ тобою непредвидѣнно, то ты отвратился бы отъ этого поля съ проклятіемъ и никогда не возвращался бы къ нему. Господь же не такъ: Онъ насадилъ въ мірѣ духовное и свободное бытіе, зная напередъ, что грѣшниковъ будетъ больше, чѣмъ святыхъ, грѣха будетъ больше, чѣмъ добродѣтелей. Почему Онъ такъ поступилъ? Потому что въ Его очахъ добродѣтель духовно-разумнаго и свободнаго существа имѣетъ величайшую цѣну, такъ что искупаетъ безчисленное количество зла, и сладостенъ Ему гласъ хвалы, и ощущается онъ въ ушесахъ Господнихъ безконечно сильнѣе, чѣмъ гласъ хулы.

Взойди мысленно на Голгоѳу и послушай, сколько хуленій Сыну Божію раздавалось тамъ: издѣвались надъ Нимъ первосвященники и книжники, издѣвались мимоходящіе, издѣвались воины; и не было отъ Него ни отвѣта, ни угрозы. Слухъ Его былъ какъ бы закрытъ для поношеній, для насмѣшекъ, для язвительныхъ вопросовъ. Но для кого раскрылся этотъ слухъ, для кого прервалъ молчаніе Божественный страдалецъ? Для одного изъ разбойниковъ. И этотъ разбойникъ—всю жизнь поносилъ Христа,

если не словами, то дѣлами, грабежемъ и убійствомъ. Ничего онъ такъ не стоилъ, какъ смерти. Но вотъ въ послѣднія минуты исторглась изъ его сердца, какъ водный источникъ изъ скалы, хвала Сыну Божію: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*. И въ отвѣтъ на эту хвалу и моленіе отверзлись объятія Христа, всѣми поруганнаго, и отверженнаго; изъ сердца Его излились слова милости, обѣтованіе рая: *днесь со мною будеши въ раи*. Значитъ, одинъ вздохъ, одна слеза, одинъ стонъ покаянія болѣе доступа имѣютъ къ сердцу Сына Божія, чѣмъ безчисленныя хулы, и легко открываютъ это сердце, хотя бы темныя дѣла цѣлой жизни заключали его для насъ.

И малѣйшая частица добродѣтели искупаетъ огромное множество зла—вотъ что хотимъ мы доказать. Такимъ образомъ, добрые плоды духа и свободы такъ драгоцѣнны для Бога, что худшіе плоды ихъ никогда не могутъ сравниться съ добрыми по значенію, а посему то Богъ и терпитъ міръ; иначе Онъ не сталъ бы терпѣть его.

О добродѣтели нѣкоторыхъ людей ап. Павелъ говоритъ, что ихъ не былъ достоинъ весь міръ (Евр. II, 38), они были дороже всего міра; слѣдовательно, если бы кромѣ ихъ въ мірѣ не было ничего и никого добраго, то и тогда міръ существовалъ бы не напрасно.

Итакъ, ты видишь, какъ цѣнитъ Господь добро, происходящее отъ свободы; Онъ цѣнитъ его такъ, что не устрашился, человѣчески говоря, множества зла, происходящаго отъ той же свободы, и создалъ свободу, создалъ духъ. Справедлива ли оцѣнка Божія? Конечно, справедлива.

Говоря о злѣ, мы сказали, что оно является только въ области духа и свободы, а что сказать о добрѣ? То, что и истинное добро также начинается только въ этой области. Мы говорили о солнцѣ, что его нельзя обвинять ни въ какомъ злѣ. А теперь спросимъ: за какое добро можно его похвалить? Оно приноситъ намъ много добра, но само этого не знаетъ и не желаетъ. Посему благодарить и восхвалять его за причиняемое имъ добро—есть безуміе, свойственное язычникамъ. Въ величественной статуѣ, въ красивой картинѣ не больше разума, чѣмъ въ солнцѣ. Оно есть образъ благости, но только не своей, а Божіей. Оно есть «мерт-

вецъ съ пылающимъ лицемъ», по выраженію одного поэта. Всѣ прочіе предметы и стихіи видимаго неодушевленнаго міра насколько бездушны, настолько неспособны къ добру, понимая подъ добромъ добродѣтель, устремленіе къ Богу, сознательное восхваленіе Его, угожденіе Ему, добровольное служеніе Ему.

Въ животномъ мірѣ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ подобіемъ духовной жизни мы находили и нѣкоторое подобіе зла. А теперь, отвегрнувши въ бездушныхъ предметахъ способность къ добродѣтели, мы опять въ живыхъ, но неразумныхъ существахъ найдемъ вмѣстѣ съ подобіемъ духа нѣкоторое подобіе добра. Муравей, говорятъ, трудолюбивъ, собака вѣрна, агнецъ незлобивъ. Но все это только подобіе добра и добродѣтели. Почему? Потому что эти добродѣтели подневольныя. Онѣ происходятъ отъ неискоренимаго природнаго влеченія, вложеннаго въ нихъ Творцомъ. Посему добрыя свойства животныхъ суть также лишь образы благости Творца (худыя свойства ихъ, напр. кровожадность, суть образы гнѣва Его). Животное, хоть и имѣетъ въ себѣ жизнь, однако она проходитъ у него какъ бы въ потемкахъ, не освѣщаемая разумомъ. Они и не нуждаются въ разумѣ, потому что движутся, какъ машины, по закону необходимости. Такія созданія не могутъ возносить Создателю хвалы, благодаренія и прославленія. Всегда согбенныя и наклоненныя къ землѣ, они не могутъ возноситься душею къ небу, и ихъ слабая мерцающая мысль направлена только къ отысканію корма.

Итакъ, гдѣ же начинается добро? Тамъ, гдѣ есть свобода, слѣдовательно въ человѣкѣ.

Совершеннѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ: *Сего ради любитъ мя Отецъ, яко азъ душу мою полагаю, да паки пріиму ю; никтоже возметъ ю отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ. Облазть имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю. Сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца моего* (Іоанн. 10, 17—18). Видишь, какъ высоко цѣнитъ Богъ добровольное подчиненіе Его заповѣдямъ, что даже Единородный Сынъ Его потому особенно считаетъ Себя достойнымъ любви небеснаго Отца, что добровольно пріемлетъ Его заповѣдь и добровольно подчиняется ей. Въ этомъ заключается истинное

добро, потому что истинное добро есть то, которое считаетъ добромъ и которое любитъ Самъ Богъ.

Итакъ и добро и зло отъ духа и свободы, а не отъ тѣла. Свобода и духъ отъ Бога, хотя зло, которое—отъ свободы, не отъ Бога, равно какъ и добро, которое—отъ свободы, также не вполнѣ отъ Бога; но и то и другое, и зло и добро, ворзастаютъ на свободѣ, какъ колосья и плевелы на полѣ, самопроизвольно. Чрезъ это особенно и драгоцѣнно добро, такъ что оно уравновѣшиваетъ и даже какъ бы перетягиваетъ гораздо большее количество зла. Что же касается матеріи, то она не есть и не можетъ быть источникомъ ни добра, ни зла.

С. К—скій.

ОТЧЕТЪ

о состояніи образцовыхъ начальныхъ церковно-приходскихъ школъ при коренныхъ и паралельныхъ классахъ кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства за 18⁹¹/₉₂ учебный годъ.

Образцовыя школы при коренныхъ и паралельныхъ классахъ кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, открытыя одна въ сентябрѣ 1889 года, а другая въ генварѣ 1890 года, устроены по типу церковно-приходскихъ одноклассныхъ школъ и въ 18⁹¹/₉₂ учебномъ году, какъ и прежде, стремились осуществить цѣли означенныхъ школъ, руководствуясь при этомъ программами и другими указаніями, изданными для всѣхъ церковно-приходскихъ школъ.

I. Составъ школы; части учебная и воспитательная.

Въ началѣ отчетнаго года въ образцовой школѣ при коренныхъ классахъ училища учениць было—въ старшемъ отдѣленіи 4, въ младшемъ 14 и въ приготовительномъ 1, всего 19. Въ сентябрѣ 1891 года вновь поступило—въ приготовительную группу 12 и въ младшую 1,—всего 13 учениць. Въ теченіи года выбыло младшаго 2 ученицы, такъ что къ концу года всего осталось 30

ученицъ, изъ коихъ 4 въ старшемъ, 13 въ среднемъ и 13 въ приготовительномъ.

Въ образцовой школѣ при паралельныхъ классахъ было 23 ученицы, изъ коихъ 6 въ старшемъ, 14 въ младшемъ и 3 въ приготовительномъ отдѣленіи. Въ сентябрѣ 1891 года вновь принято 17 ученицъ,—12 въ приготовительное и 5 въ младшее отдѣленіе, такъ что всѣхъ ученицъ составилось 40. Въ теченіе учебнаго года выбыло 5 ученицъ, къ концу года осталось 35 ученицъ.

По происхожденію въ числѣ ученицъ были дѣти—крестьянъ, солдатъ, мѣщанъ, купцовъ, чиновниковъ, дворянъ и духовныхъ лицъ.

Занятія въ школахъ начались съ перваго сентября 1891 года и велись въ теченіе учебнаго года по росписанію, составленному учительницами образцовыхъ школъ совмѣстно съ начальницей въ коренныхъ и старшей надзирательницей въ паралельныхъ классахъ и преподавателемъ дидактики. Уроки начинались въ 9 часовъ и продолжались до 2 часовъ, при чемъ между первымъ и вторымъ уроками, третьимъ и четвертымъ были промежутки въ $^1/_4$ часа, а между вторымъ и третьимъ въ $^3/_4$ часа; во время этой перемѣны дѣти завтракали; четыре часа въ недѣлю, кромѣ сего, назначались для занятій рукодѣльемъ.

Въ школахъ преподавались: законъ Божій, церковно-славянская грамота, русскій языкъ, церковное пѣніе, счисленіе, чистописаніе и рукодѣлье. Все, что требуется программами означенныхъ предметовъ, было пройдено во всѣхъ отдѣленіяхъ основательно, своевременно и вполнѣ согласно съ объяснительными записками къ программамъ.

Ученицы школы не всегда и не всѣ исправно посѣщали школу, что значительно затрудняло ходъ обученія. Причины этого явленія были самыя разнообразныя, но главныя изъ нихъ двѣ: болѣзнь и дурная погода при отдаленности мѣстожительства нѣкоторыхъ изъ ученицъ.

Въ концѣ учебнаго года (мая 1892 года) произведенъ былъ ученицамъ школъ экзаменъ въ присутствіи предсѣдателя училищнаго совѣта, начальницы училища, преподавателя дидактики, законоучителей и учительницъ. Результатомъ этихъ испытаній было: изъ ученицъ старшаго отдѣленія школы при коренныхъ классахъ

4 признаны окончившими курсъ ученія успѣшно и имъ выданы свидѣтельства въ этомъ; бывшія въ младшемъ отдѣленіи переведены въ старшее, и бывшія въ приготовительномъ въ младшее. Въ образцовой школѣ при паралельныхъ классахъ въ отчетномъ году успѣшно выдержали выпускной экзаменъ 5 учениць; бывшія въ младшемъ и приготовительномъ отдѣленіяхъ перешли въ соотвѣтствующія высшія отдѣленія.

На религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей обращено было самое серьезное вниманіе. Ученіе ежедневно начиналось утренней молитвой; каждый урокъ также начинался молитвой «Царю небесный» и оканчивался молитвой «Достойно есть». Учебный годъ начатъ былъ молебнымъ служеніемъ и законченъ благодарственнымъ моленіемъ Господу Богу. Дѣтямъ постоянно и законоучителями и учительницами объяснялась необходимость домашней молитвы и хожденія въ храмъ Божій. Всѣ ученицы образцовыхъ школъ исповѣдывались и пріобщались св. таинъ у своего законоучителя, для чего нарочито приходили въ его приходскую церковь. Дѣти пріучались къ вѣжливвому, почтительному отношенію къ старшимъ и доброму обхожденію между собою. Съ этою цѣлію обращалось самое серьезное вниманіе на поведеніе ученицъ во время перемѣнокъ. Чтобы дать ученицамъ возможность и во время перемѣнокъ пріобрѣсти полезные навыки и знанія, ихъ пріучали въ это время къ разнаго рода играмъ и хоровымъ пѣснямъ. Въ хорошую погоду все это производилось на училищномъ дворѣ, а въ холодные дни и вообще въ дурную погоду въ столовыхъ залахъ училища. Устройствомъ игръ, пѣніемъ пѣсенокъ распоряжались и руководили учительницы школъ, а потомъ воспитанницы VI класса подъ руководствомъ учительницъ и наблюдателя школъ. Къ концу года ученицы школы, не смотря на разнообразіе общественнаго положенія ихъ семействъ, представляли весьма приличный видъ и отличались замѣтною благовоспитанностью.

Помѣщеніе школъ въ гигіеническомъ отношеніи и въ отношеніи удобствъ можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ.

Служащими при образцовыхъ школахъ училища въ теченіе отчетнаго года состояли: въ школѣ при коренныхъ классахъ зако-

учителемъ священникъ Евфимій Скрипчинскій, студентъ семинаріи, учителемъ пѣнія діаконъ Петръ Рожалинъ, учительницей—окончившая курсъ ученія въ с.-петербургской покровской гимназіи Екатерина Яковлева; въ школѣ при паралельныхъ классахъ—законоучителемъ кандидатъ богословія, священникъ Петръ Стеллецкій, учителемъ пѣнія діаконъ Антоній Базилевичъ и учительницей—окончившая курсъ ученія въ кіевскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства Марія Топачевская; наблюдателемъ въ обѣихъ школахъ состоялъ преподаватель дидактики и педагогики въ училищѣ, кандидатъ богословія Михаилъ Гнѣвушевъ.

Въ теченіе отчетнаго 18⁹¹/₉₂ учебнаго года уроки законоучителями, учителями пѣнія и учительницами школы посѣщались вполнѣ исправно. Кромѣ того, школы посѣщаемы были очень часто распорядителемъ училища, начальницей и старшей надзирательницей. Въ концѣ года школы удостоены были посѣщенія Высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Іоанникіемъ.

II. Занятія воспитанницъ VI класса въ образцовыхъ школахъ.

Практическія занятія воспитанницъ VI класса, кореннаго и паралельнаго,—организованы были, какъ и въ предшедствующій годъ, слѣдующимъ образомъ.

Всѣ воспитанницы,—47 въ коренномъ классѣ и 44 въ паралельномъ,—раздѣлены были на группы; каждая группа въ назначенные дни присутствовала на урокахъ учительницы, законоучителя и учителя пѣнія въ школѣ въ теченіе всѣхъ занятныхъ часовъ дня. Въ началѣ года воспитанницы присутствовали въ школѣ только въ качествѣ слушательницъ. По мѣрѣ ознакомленія на урокахъ дидактики съ пріемами и методами обученія, онѣ постепенно принимали болѣе дѣятельное участіе въ занятіяхъ школы. Въ видахъ наилучшаго ознакомленія съ пріемами обученія, употреблявшимися учительницей образцовой школы, законоучителемъ и учителемъ пѣнія, а равно, въ видахъ надзора за внимательностью, присутствующія въ школѣ—воспитанницы должны были вести подробныя записки о дававшихся въ ихъ присутствіи урокахъ. Записи эти провѣрялись сначала учительницей образцовой школы, а по-

томъ просматривались преподавателемъ дидактики, которымъ всегда дѣлались соотвѣтствующія замѣчанія—отдѣльно каждой записывавшей и всему классу по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ.

Кромѣ очереднаго присутствованія въ школѣ въ качествѣ слушательницъ, воспитаницы съ половины октября отчетнаго года были назначаемы, тоже поочередно,—по одной на два дня въ качествѣ дежурныхъ. Дежурныя всегда являлись въ роли самыхъ дѣятельныхъ помощницъ учительницы образцовой школы. Онѣ должны были также вести запись, въ которой, кромѣ записыванія содержанія уроковъ, данныхъ въ ихъ присутствіи, должны были находиться краткія, но точныя характеристики ученицъ школы. Иногда дежурнымъ приходилось замѣнять собою учительницу школы.

Всѣ воспитанницы VI класса посѣтили образцовую школу въ качествѣ слушательницъ—кореннаго класса 6 разъ, паралельнаго 7,—всего посѣщеній и записей сдѣлано 590; въ качествѣ дежурныхъ по 2 раза, всего дежурныхъ и записей—182.

По мѣрѣ ознакомленія на урокахъ дидактики съ методами и пріемами обученія по предметамъ школы церковно приходской, воспитанницы VI класса принимали участіе въ преподаваніи грамоты, закона Божія, церковно-славянскаго языка, счисленія, чистописанія, пѣнія и рукодѣлія. При этомъ соблюдалась постепенность: сначала по одному предмету и въ одной приготовительной группѣ, а потомъ въ двухъ группахъ старшихъ и наконецъ—въ двухъ или трехъ группахъ одновременно и по разнымъ предметамъ. Къ урокамъ своимъ въ школѣ воспитанницы весьма тщательно приготовлялись: писали цѣлымъ классомъ конспекты по тому или другому предмету, писали отдѣльно каждая конспектъ по тому предмету и на томъ урокѣ, который имъ предстояло вести въ школѣ. Первые общіе конспекты писались подъ руководствомъ преподавателя дидактики, а вторые частные подъ непосредственнымъ руководствомъ учительницъ образцовыхъ школъ. Уроки, данные воспитанницами, тщательно разбирались на урокахъ дидактики. Уроки по закону Божію, ведшіеся воспитаницами VI кл., были почти всегда повтореніемъ того, что пройдено было уже съ ученицами законоучителемъ. По рукодѣлью занятія воспитанницъ состояли въ указаніяхъ, подъ руководствомъ учительницъ образцовыхъ школъ,

ученицамъ, какъ нужно шить, вышивать, вязать и т. п. По пѣнію давали уроки только тѣ воспитанницы, которыя обладали голосомъ и надлежащей подготовкой, т. е. знаніемъ нотъ, гласовъ и умѣньемъ пѣть по церковному обиходу. Всѣхъ уроковъ воспитанницами кореннаго класса дано 423, паралельнаго класса 492 урока.

По произведенной совмѣстной оцѣнкѣ этихъ уроковъ и всѣхъ вообще занятій воспитанницъ VI класса преподавателемъ дидактики и учительницами образцовыхъ школъ оказалось, что всѣ воспитанницы занимались въ школахъ вполнѣ удовлетворительно, нѣкоторыя же очень хорошо; были между воспитанницами даже такія, которыя давали уроки весьма хорошо и отлично. Оцѣнка эта выписана въ аттестатахъ воспитанницъ.

Сверхъ всего указаннаго воспитанницы VI класса посѣщали занятія въ образцовыхъ школахъ всѣмъ классомъ разъ или два въ недѣлю. Посѣщенія эти дѣлались вмѣстѣ съ преподавателемъ дидактики. Предъ рождественскими каникулами, а равно по окончаніи своихъ занятій въ школѣ (въ концѣ апрѣля) воспитанницы VI класса писали «отчетъ по школѣ» съ подробнымъ указаніемъ какъ своихъ занятій въ школѣ, такъ и другихъ лицъ и выясненіемъ всего, пріобрѣтеннаго ими во время посѣщеній школы.

III. Библіотеки при школахъ и учебныя пособія. Средства школъ.

Въ библіотекахъ образцовыхъ школъ имѣются всѣ необходимыя книги и учебныя пособія. Школы имѣютъ въ своемъ распоряженіи для годичнаго расхода каждая по 500 рублей,—въ томъ числѣ 500 руб., ассигнованные Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Изъ всей суммы израсходовано въ видѣ жалованья учительницамъ 500 рублей, по 250 руб. каждой, законоучителямъ 200 руб. по 100 каждому, учителямъ пѣнія 100 руб. по 50 руб. каждому,—всего 800 рублей; остальная сумма въ 200 рублей,—по 100 рублей на каждую школу, обращена на обзаведеніе школъ, на покупку книгъ, учебныхъ пособій, бумаги, карандашей, досокъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей школы и школьнаго обученія.

Преподаватель *Михаилъ Гнѣвушевъ*.

Извѣстія и замѣтки.

— **Къ столѣтнему юбилею Минской епархіи.** 13 апрѣля, минская губернія праздновала столѣтній юбилей учрежденія самостоятельной Минской епархіи и существованія минской духовной семинаріи.

Заимствуемъ изъ «Минск. Лист.» исторію этихъ учрежденій.

По обнародованіи манифеста 27 марта 1793 года о возсоединеніи вновь съ Россіей почти всего Юго-Западнаго края и средней части Сѣверо-Западнаго (всей минской губерніи, части виленской и витебской), изъ этихъ земель, за отчисленіемъ нѣкоторыхъ частей къ смежнымъ губерніямъ: кіевской, черниговской, могилевской, полоцкой, новгородсѣверской и екатеринославской, было образовано три губерніи: минская, изяславская (теперь волынская) и брацлавская (теперь подольская) и составлена одна православная епархія съ названіемъ — «минская, изяславская и брацлавская». Въ указѣ Императрицы Екатерины II Св. Синоду, отъ 13 апрѣля 1793 года сказано: поелику правленіе сея епархіи распространяться будетъ на церкви и монастыри трехъ губерній, то имѣетъ быть въ оной архіепископъ. Въ сей санъ произвесть митрополіи кіевской коадъютора, епископа Виктора, съ наименованіемъ его, по древнимъ къ Россіи принадлежавшимъ городамъ, минскимъ, изяславскимъ и брацлавскимъ, а по пребыванію его въ Слуцкомъ монастырѣ, архимандритомъ онаго монастыря. Сей епархіи быть во второмъ классѣ и имѣть степень по могилевской съ жалованьемъ, которое на оную по указамъ нашимъ отъ 27 марта и 15 мая 1785 года опредѣлено. По сей новой епархіи помянутый архіепископъ имѣетъ быть отъ митрополита кіевскаго независимымъ; но по должности и наименованію коадъютора митрополіи кіевской, которыя отъ него не отъемлются, имѣетъ къ митрополиту кіевскому отношеніе по прежнему».

Съ этого времени начинается фактическое существованіе весьма обширной Минской епархіи, въ составъ которой до 1795 года входили волынская и подольская губерніи; этотъ же годъ принесъ Минской епархіи важныя перемѣны. Еще въ декабрѣ 1794 года былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о присоединеніи въ Россіи всей Литвы и части бывшаго Холмскаго воевод-

ства по сю сторону рѣки Буга. Всѣ эти земли вошли сами собою, безъ особаго указа, въ составъ Минской епархіи, которая вслѣдствіе того сдѣлалась чрезвычайно обширной. Это обстоятельство побудило Св. Синодъ поднести Императрицѣ докладъ о раздѣленіи минской архіепископіи на три епархіи; докладъ этотъ былъ утвержденъ Государыней и, по ея именному указу 12 апрѣля 1895 года, изъ Минской епархіи была выдѣлена самостоятельная епархія 3-го класса—епископія «брацлавская» нынѣ подольская, и учреждена викарная — «волынская». Въ Минской епархіи осталась вся минская губернія, въ ея тогдашнихъ границахъ, и вся Литва, раздѣленная на двѣ губерніи: литовско виленскую и литовско-гродненскую. Послѣ этого перераздѣла Минская епархія стала именоваться минскою и волынскою, удержавъ за собою это наименованіе лишь въ продолженіе четырехъ лѣтъ: 16 октября 1799 года Волынская епархія сдѣлана самостоятельною, а Минской дано названіе «Минская и Литовская». Самымъ важнымъ дѣломъ въ жизни Минской епархіи въ ея первые годы было возсоединеніе уніатовъ. На ея долю выпадало бороться съ тѣми громадными препятствіями и противодѣйствіями, которыя были сконцентрированы, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ минской губерніи: полное порабощеніе народонаселенія многочисленнымъ здѣсь классомъ иновѣрцевъ требовало большихъ усилій, чтобы быть сброшеннымъ. Трудъ въ этомъ дѣлѣ выпалъ на долю преосвященнаго Виктора и начатое имъ всѣми послѣдующими его преемниками проводилось въ жизнь съ большою любовью и стойкостью. Но за этими заботами епархіальныхъ дѣятелей не были забыты и другія стороны жизни ихъ епархіи: епархіальная жизнь, какъ въ годы до возсоединенія, такъ и во время самаго возсоединенія, постепенно упорядочивалась, развивалась, вообще—шла впередъ.

Епархіальное управленіе въ Минской епархіи было установлено еще до присоединенія края къ Россіи. Консисторія существовала въ Слуцкѣ съ давнихъ поръ—еще при слуцкихъ архимандритахъ, которые считались намѣстниками кіевскаго митрополита. Въ 1785 году съ назначеніемъ въ Слуцкъ епископа, консисторія лишь нѣсколько была преобразована относительно своего состава; съ присоединіенiемъ же края къ Россіи, съ 28 марта

1793 г. въ ней былъ заведенъ «порядокъ, россійскимъ судебнымъ мѣстамъ узаконенный». Такимъ образомъ съ этого дня Минская духовная консисторія можетъ считать начало своего существованія какъ россійская духовная консисторія, а послѣ высочайшаго указа 13 апрѣля 1793 г. объ учрежденіи Минской епархіи консисторія стала называться «минской» (до этого она называлась «переяславской и бориспольской», а еще ранѣе «слуцкой»).

Большой помощницей дѣлу укрѣпленія православія въ Минской епархіи была духовная семинарія; она учреждена была еще въ 1785 г. въ Слуцкѣ; затѣмъ, еще до исполненія пятилѣтія своей жизни, прекратила свое существованіе; но вскорѣ вновь возобновлена и стала родоначальницей нынѣшней Минской семинаріи.

— **Новое открытіе древнихъ фресковыхъ изображеній въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.** Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, по снятіи иконостаса для перезолоты, сзади его, на столбахъ алтарной арки — ниже мозаическаго благовѣщенія, открыты 10 сего апрѣля фресковыя изображенія. По очисткѣ лежавшихъ на нихъ слоевъ давней побѣлки, оказались на переднихъ выступахъ въ красныхъ рамахъ 4-ре древнія изображенія мучениковъ фресковой иконописью, по два на каждомъ изъ 2-хъ столбовъ, одинъ надъ другимъ. Эти св. изображенія, написанныя греческими художниками сухой краской за 850 лѣтъ до нашего времени, при вел. князѣ кіевскомъ Ярославѣ Владиміровичѣ, сынѣ св. Владиміра, просвѣтителя Россіи, сохранились еще довольно хорошо, безъ особенныхъ поврежденій. На бокахъ столбовъ замѣтны также фрески древніе и къ очисткѣ ихъ приступлено. Нельзя не удивляться, какъ не замѣчено существованіе на этихъ мѣстахъ фресокъ въ 1843 году, при реставраціи собора и открытіи древней фресковой живописи на его стѣнахъ, по Высочайшему повелѣнію, подъ наблюденіемъ академика Ѳ. Г. Солнцева Настоящее открытіе показываетъ, что алтарная преграда, замѣненная въ послѣдствіи иконостасомъ, находилась въ алтарной аркѣ, между пилонами и далѣе ихъ впередъ не выступала. Преграда эта была не выше 1½ сажени и состояла изъ мраморныхъ колоннъ съ перекладиной вверху и малыми тумбами внизу; весь алтарь былъ такимъ образомъ открытъ взору предстоящихъ во храмѣ.— 13 сего апрѣля Софійскій соборъ, для осмотра вновь открытыхъ фре-

сокъ, посѣтили: высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій Іоанникій и его сіятельство, г. начальникъ края, графъ А. П. Игнатьевъ.

— **Реставрація Новгородскаго Софійскаго собора**. Газеты сообщаютъ, что по инціативѣ новгородскаго архіепископа Ѳеогноста предпринимается реставрація Новгородскаго Софійскаго собора, сооруженнаго въ 1045 году сыномъ в. князя кіеескаго Ярослава Владимирова, новгородскимъ княземъ Владиміромъ, и имѣвшаго для новгородцевъ великое значеніе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Соборъ этотъ представляетъ собою довольно близкую копію старѣйшаго его на десятокъ лѣтъ, Кіево-Софійскаго собора и, подобно ему, получилъ наращенія надъ нижними папертями и массивные контрафорсы. На первый разъ реставрація храма ограничится возобновленіемъ стѣнной живописи и орнаментовъ въ стилѣ XI вѣка. Къ сожалѣнію, бывшая здѣсь фресковая иконопись уничтожена въ XV вѣкѣ при починкѣ штукатурки; сохранилось лишь нѣсколько фресокъ въ главномъ куполѣ. Росписаніе собора будетъ исполнено по рисункамъ академика В. В. Суслова и подъ его наблюденіемъ. Въ соборѣ этомъ почиваютъ мощи св. князя Ярослава Владимировича; матери его, жены вел. князя Кіевскаго Ярослава св. Анны, св. князя Мстислава Ростиславича (храбраго) и новгородскаго епископа св. Никиты.

— 4 сего апрѣля исполнилось 50-лѣтіе служенія въ св. санѣ настоятеля Старокіевской Срѣтенской церкви, протоіерея Дмитрія Аѳанасьевича *Жданова*. Почтенный о. Дмитрій *Ждановъ* окончилъ курсъ кіевской духов. академіи въ 1841 году со степенью магистра богословія и состоялъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ преподавателемъ кіевс. дух. семинаріи, въ 1843 году рукоположенъ въ санъ священника къ Кіево-Печерской Воскресенской церкви; въ 1863 г. перемѣщенъ на священническую вакансію къ Кіево Софійскому собору, а въ 1865 г. на настоятельское мѣсто къ Срѣтенской церкви; съ 1854 по 1886 г. состоялъ членомъ кіевской духов. консисторіи и занималъ разныя другія должности по Епархіальному вѣдомству; за 50-лѣтнюю службу удостоенъ награжденія орденами св. Анны 2-й степени, св. Владиміра 3-й степени, золотымъ крестомъ изъ кабинета Е. И. Величества и палицею. Какъ старѣйшему изъ

духовенства г. Кіева и духовнику, пользующемуся общимъ уваженіемъ за свои пастырскія свойства, ему принесены въ этотъ день поздравленія отъ старшаго городскаго духовенства, родныхъ и прихожанъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе: Рѣчь, профессора И. М. Скворцова при открытіи кіевской дух. семинаріи въ 1817 г.—Къ бесѣдѣ съ еретиками объ источникахъ добра и зла.—Отчетъ о состояніи кіевск. женск. училища духовнаго вѣдомства за 1891—2 годъ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 14 апрѣля 1893 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.